

ИЗЪ АРХИВА Н. А. ЧАЕВА.¹⁾

I. Письма М. И. Писарева.²⁾

1.

СПб. 18/III 96. Николаевская улица 75, квар. 5.

Не умю выразить Вамъ того восторга, съ которымъ я прочиталъ присланныя Вами дорогія строки, мой несравненный Николай Александровичъ!... Вы живы, Вы здоровы и опять пишете,—да это такой праздникъ, какіе не часто выпадаютъ на мою печальную долю. Боже, какимъ хорошимъ старымъ повѣяло на меня со страницъ Вашего письма. Какъ сейчасъ вижу я уютное, маленькое зальце небольшого сѣренькаго домика въ Сумниковомъ переулкѣ... Радужный пріемъ хозяина, его ласка, привѣтъ, его русская „хлѣбъ—соль“, общество такихъ чистыхъ сердцемъ людей, какъ онъ самъ и его друзья: Кор. Ник. Полтавцевъ, Юрьевъ, Рамазановъ, Шаповаловъ, ихъ одушевленные споры, чтенія, бесѣды, да развѣ это можетъ когда нибудь забыться!... Спасибо Вамъ, еще разъ, дорогой Николай Александровичъ, за то, что все это Вы съ новою силою и съ необыкновенною яркостью вызвали въ моей памяти своимъ письмомъ!....

Вы просите меня сообщить все, что я знаю и помню о нашемъ общемъ другѣ П. И. Якушкинѣ, въ бытность его въ Самарѣ, въ послѣдній годъ жизни³⁾. Охотно исполняю Ваше желаніе.

---

¹⁾ Николай Александровичъ Чаевъ—извѣстный русскій писатель, скончавшійся 16 ноября 1914 года.

²⁾ Модестъ Ивановичъ Писаревъ—драматическій артистъ, игравшій бытовыя роли на провинціальныхъ и столичныхъ сценахъ (р. 1844 г., ум. 30 сентября 1905 года).

³⁾ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, писатель—этнографъ (р. 1820 г., ум. 8 января 1872 года).

Сезонъ 1871—72 г. я служилъ въ Самарѣ, въ труппѣ А. А. Разсказова. Была осень—конецъ Сентября; время стояло дождливое, непогожее. Въ театрѣ шель спектакль—давали пьесу Островскаго „Не такъ живи, какъ хочется“. Въ антрактѣ, между 3 и 4 картиною ко мнѣ подошелъ сторожъ и сообщилъ, что меня спрашиваетъ какой то человекъ: „Ни баринъ, ни мужикъ, а что говорить, никакъ не разберешь—должно выпимши“... Я поспѣшилъ за сторожемъ изъ уборной, и только что спустился съ лѣстницы, какъ лицомъ къ лицу столкнулся съ человекомъ въ грубой мужицкой свитѣ, огромномъ картузѣ блиномъ, въ смазныхъ сапогахъ, съ кушакомъ въ правой рукѣ и небольшимъ узелкомъ въ лѣвой. Съ него, въ буквальномъ смыслѣ, лило—такъ онъ измокъ подъ дождемъ. Это былъ Якушкинъ.— „Павель Ивановичъ! Откуда, какимъ образомъ? На-долго-ли?“—„Дня на два, а можетъ и меньше.... Изъ Краснаго Яра переводятъ въ Бузулукъ... въ погорѣлый городъ... Постой я тебѣ все расскажу.—Гдѣ бы тутъ присѣсть?“...

Но меня ждали на сценѣ, присаживаться, оказалось, некогда и потому объясненіе наше было отложено до конца спектакля.

Надо Вамъ сказать, что познакомился я съ П. И. еще въ 50-хъ годахъ, въ Москвѣ, въ ранней моей юности, у А. А. Григорьева, а затѣмъ въ разное время мы встрѣчались то у Островскаго въ той же Москвѣ, то у Некрасова—въ Петербургѣ. И тамъ, и тутъ Якушкинъ, какъ Вамъ извѣстно, бывалъ налетомъ: появится, какъ метеоръ, на нѣсколько дней и исчезнетъ на цѣлые мѣсяцы, а иногда и годы.

Но буду продолжать дальше. Послѣ спектакля мы отправились съ П. И. въ гостиницу, гдѣ я стоялъ, и тамъ за графинчикомъ „Поповки“ и приличной закуской, въ родѣ „селянки на сковородѣ“, Якушкинъ повѣдалъ мнѣ свою злосчастную повѣсть.

За что его выслали—онъ и самъ не зналъ. „Посадили съ жандармомъ и повезли“, рассказывалъ онъ— „а за что и зачѣмъ?—Чортъ ихъ знаетъ!... Сначала помѣстили въ Енотаевскѣ. Жилось—ничего... Даже матеріалъ литературный нашелся... не дурной; да начальству тамошнему не понравилось, что я имъ, этимъ матеріаломъ, воспользовался.... Ну и перевели въ Красный Яръ. А Красный Яръ, другъ любезный, это ни городъ, ни посадъ, ни деревня: это тотъ самый островъ, гдѣ *„ни воды, ни земли, одна твердь поднебесная, да солдатъ съ ружьемъ“*, т. е. то самое мѣсто, куда, по словамъ П. М. Садовскаго—

французскаго Бонапарта Англичане ссылали, а если и не то самое, то въ родѣ его... Климатъ ужасный: 12 часовъ въ сутки спасаешься отъ жара, обливаясь потомъ, а остальные 12 часовъ не знаешь, какъ согрѣться, коченѣя отъ холода.“

П. И. былъ привезенъ въ Красный Яръ совмѣстно съ другимъ административно-ссылнымъ нѣкоимъ Соловьевымъ—авторомъ запрещенной брошюрки „Отщепенцы“. Соловьевъ этотъ на видъ скромный, бѣлокурый молодой человекъ въ пиджакѣ, представлялъ рѣзкій контрастъ съ нашимъ милымъ „безобразникомъ“. Свита Якушкина, русская рубашка, смазные сапоги, включенная борода, очки на вздернутомъ носу, нечесаная голова съ длинными, какъ у попа, волосами—сразу сдѣлали его подозрительнымъ въ глазахъ красноярскаго полицейскаго вѣдомства; а вѣчное шатанье въ толпѣ, бесѣда съ мужиками о ихъ нуждахъ всюду и вездѣ: на площадяхъ, въ харчевняхъ и кабакахъ—смущала покой мѣстныхъ алыгвазиловъ, и они неустанно, не спуская глазъ, слѣдили за дѣйствіями „страшнаго преступника“. Положеніе П. И. вслѣдствіе этого обстоятельства становилось совсѣмъ невыносимымъ. Ему не давали покоя, его преслѣдовали по пятамъ, гдѣ бы онъ ни былъ, что бы ни дѣлалъ онъ, всегда—по его собственнымъ словамъ—чувствовалъ на себѣ чей-то упорно устремленный взоръ.

Вскорѣ полицейскій надзоръ перешелъ всякія границы приличія и произошло это вотъ по какому случаю. Полиція, занятая главнымъ образомъ поведеніемъ П. И. и усиленно за нимъ слѣдящая, совсѣмъ позабыла о существованіи Соловьева, почитаемаго ею человекомъ мирнымъ и крайне спокойнымъ, раскаявшимся въ своихъ преступленіяхъ и смиренно несущимъ законную кару. По цѣлымъ недѣлямъ мѣстныя власти даже не справлялись о томъ—живъ-ли онъ или нѣтъ? Какъ видите положеніе вещей для Соловьева было болѣе чѣмъ благопріятное, и онъ, разумѣется, не преминулъ имъ воспользоваться. Какъ-то послѣ двухнедѣльнаго антракта, утромъ, отъ нечего дѣлать, г. исправникъ съ проч. властями вздумали навѣстить кающагося грѣшника. Направились цѣлой компаніей къ маленькому одинокому домику, гдѣ обиталъ скромный отшельникъ и, къ ужасу своему, войдя въ его келью, не нашли никого и ничего, кромѣ небольшого осколка зеркала, лежащей около него остриженной русой бороды, блюдечка съ мыломъ, тупой бритвы и записки очень короткаго содержанія: „Прощайте, братцы, я уѣзжаю, спасибо Вамъ за Вашу любовь и ласку. Не поминайте лихомъ“. Исправникъ и власти не успѣли еще придти въ себя отъ неожиданно поразившаго ихъ удара, какъ изъ Астрахани

пришла депеша, что административно ссыльный Соловьевъ, ввѣренный попеченію красноярскаго полицейскаго надзора, объявился за границу, въ г. Женевѣ. Исправника потребовали для объясненій въ Астрахань. Эту правдивую исторію, анекдотическаго характера, я передаю Вамъ буквально, какъ слышала ее отъ П. И. Якушкина, слова котораго въ послѣдствіи подтвердились показаніями астраханцевъ, хорошо знакомыхъ съ этимъ дѣломъ. Послѣ этого происшествія жизнь Павл. Ив., и безъ того не красная, стала совсѣмъ невыносимой. „Мнѣ мѣшали не только писать, даже думать. Ежеминутно сновали около меня какіе-то люди, то заглядываютъ въ окна, то надобѣдаютъ ненужными праздными вопросами. Я успѣлъ только послать Некрасову въ *Отечественныя Записки* два наскоро набросанныхъ письма о Красномъ Ярѣ, между тѣмъ какъ получилъ отъ него очень большой авансъ и оставался долженъ рублей 600“, — рассказывалъ мнѣ Пав. Ив. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Благодаря ходатайству многихъ вліятельныхъ лицъ, въ томъ числѣ С. П. Боткина — участь Пав. Ив. была облегчена переводомъ изъ Краснаго Яра въ одинъ изъ городовъ Самарской или Оренбургской губерніи (т. е. куда назначать). Кто-то изъ тѣхъ, кому поручень былъ выборъ города, назначилъ, вѣроятно по чувству гуманности и особенной симпатіи къ „преступнику“, только что пострадавшій отъ пожара Бузулукъ. Положеніе Якушкина такимъ образомъ не только не улучшалось, а напротивъ оказывалось въ значительной степени худшимъ. Въ Бузулукѣ послѣ пожара оставалось всего десятокъ уцѣлѣвшихъ домовъ да двѣ-три церкви, все же остальное представляло собою сплошную массу черныхъ обугленныхъ развалинъ. Жители помѣщались въ землянкахъ, наскоро сооруженныхъ вокругъ города. И этой-то труппой долженствовало „облегчить участь“ Павла Ивановича. — „Нельзя-ли какъ нибудь устроить, чтобы мнѣ здѣсь остаться“, — взмолился Якушкинъ, окончивши свой рассказъ.

Я собралъ совѣтъ изъ свѣдущихъ людей, на которомъ было рѣшено отправить меня къ Г. С. Аксакову, состоявшему тогда въ должности самарскаго губернатора, съ просьбой принять участіе въ судьбѣ Якушкина и помочь по возможности своимъ вліяніемъ.

Григорій Сергѣевичъ былъ истиннымъ сыномъ своего отца и не только по крови, но и по духу братомъ Константина и Ивана Аксаковыхъ. Онъ принялъ самое горячее участіе въ Павл. Ив.: благодаря ему и медицинскому свидѣтельству В. О. Португалова, Якушкинъ остался въ Самарѣ и отданъ былъ мнѣ на поруки.

Прошло нѣсколько недѣль совершенно спокойнаго житія, какъ вдругъ горячее сердце не выдержало и, однажды, во время спектакля,

въ театральномъ буфетѣ, излилось въ пламенной рѣчи, за которую оратора неминуемо должна была постигнуть высылка, если бы вторично не явился на выручку Португаловъ, принявшій нашего безпкойнаго Павла въ лоно Самарской земской больницы и объявившій, что всякое передвиженіе для него въ экипажѣ немыслимо, такъ какъ можетъ повлечь за собою весьма неблагоприятныя послѣдствія и окончательно убить и безъ того уже расшатанный организмъ больного.

Якушкина водворили въ больницѣ, а чтобы ему не очень было скучно, предписали прогулки пѣшкомъ. Онъ охотно исполнялъ это докторское предписаніе. Въ 9-ь ч. утра уходилъ изъ больницы и возвращался часовъ въ 10-ь вечера. Мы видѣлись съ нимъ ежедневно. Онъ просиживалъ у меня иногда цѣлые дни. Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ обратился ко мнѣ съ просьбой написать Некрасову письмо, (самъ онъ стѣснялся это сдѣлать, состоя у послѣдняго въ долгу), въ которомъ я долженъ былъ рассказать все неприглядное положеніе моего друга и просить выслать ему на всякій случай рублей сто, которые онъ вмѣстѣ съ прежнимъ долгомъ общается заработать. Надо Вамъ сказать, что П. И. задумалъ въ это время писать драму изъ народнаго быта. Дѣло происходитъ въ губернскомъ городѣ; мѣсто 1-го дѣйствія — кабакъ. Подробно описана декорация, размѣщены группы и выписана пѣсна, которую поютъ при поднятіи занавѣса. Но этимъ все и кончается. Затѣмъ сдѣланъ былъ набросокъ какого-то очерка, но столь нецензурнаго свойства, что покойный Юрьевъ, которому я показалъ его, не призналъ удобнымъ напечатать. Раньше я давалъ его Некрасову и тоже безуспѣшно. На письмо мое покойный Ник. Алексѣвичъ отвѣтилъ мнѣ длиннымъ письмомъ, гдѣ, между прочимъ, прилагая 300 р., говорить, что не считаетъ Якушкина у себя въ долгу, что работы П. Ив. такъ цѣнны, что онъ, не стѣняясь, всегда можетъ обращаться къ нему, Некрасову, за деньгами, когда бы и сколько бы ихъ не понадобилось, что всякія церемоніи въ данномъ случаѣ со стороны Якушкина не только излишни, но и глубоко оскорбительны. „Я не подавалъ повода ему такъ дурно думать о себѣ“, заключаетъ письмо свое Некрасовъ. Къ сожалѣнію, деньгами этими П-у И-у не пришлось воспользоваться. Я получилъ 8 Января, а въ этотъ день въ 5¹/₂ ч. утра его уже не стало, о чемъ я, возвративъ деньги, тотчасъ-же увѣдомилъ Некрасова.

Смерть давно уже подстерегала Якушкина. Вскрытіе показало, что онъ страдалъ цѣлою грудю всевозможныхъ хроническихъ болѣзней. Тутъ были и страданія сердца, и болѣзни печени и почекъ,

вслѣдствіе жирового перерожденія всѣхъ этихъ органовъ, и много разныхъ другихъ не порядковъ въ организмѣ. До поры до времени, не смотря на полнѣйшее разстройство, желѣзный организмъ П. И. все кое-какъ еще держался до перваго толчка, который явился въ видѣ простуды. Хроническія болѣзни обострились, осложнились—и *finita la comedia*. Онъ умеръ 1872 г. 8 Января въ 5 1/2 ч. утра.

Передъ смертію онъ болѣлъ недолго—всего дней 10-ь. Хотя лежалъ въ постели, но былъ очень веселъ, игривъ и шутилъ, не переставая. Я навѣщалъ его каждый день. Онъ очень интересовался тогда Кошелевской „Бесѣдою“, выходившей подъ редакціей С. А. Юрѣва, и я носилъ ему №№ этого журнала.

Разъ, придя къ нему въ палату, я засталъ его, вопреки обыкновенію, страшно взбѣшеннымъ.

„Вообрази,—началъ онъ задыхаясь и какъ-то даже привскакивая на постели,—вообрази: ко мнѣ приходилъ часъ тому назадъ какой-то господинъ. Пришелъ, говоритъ, поклониться Вамъ.—Да кто Вы?—„Гражданинъ“. —Какой?—„Гражданинъ русской земли“. —Да вѣдь гражданъ то русской земли 100 милліоновъ,—говорю.... Такъ кто-же Вы?—„Гражданинъ“.—И притомъ глупый!. Вижу... Извините, я спать хочу. Отвернулся къ стѣнѣ. Молчу. Онъ сидитъ. Полчаса, по крайней мѣрѣ, дуракъ просидѣлъ и ушелъ. Терпѣть не могу скотовъ. Прилѣзъ оригинала сюда передо мной разыгрывать. Скотина! Оригиналы-то родятся, а не дѣлаются... Не люблю фиглярства! Ничего не можетъ быть отвратительнѣй!...“

И онъ долго волновался на эту тему.

Впрочемъ это единственный случай раздраженія. По большей части я находилъ его веселымъ. Онъ даже пѣлъ пѣсни. Послѣдніе 7 дней передъ смертію онъ уже не могъ пить не только водки, но даже и краснаго вина, которое ему выписывалось докторомъ. Онъ очень измѣнился къ лучшему: похудѣлъ (т. е. не похудѣлъ, а у него опалъ отекъ), поблѣднѣлъ, лицо приняло какое-то поэтическое выраженіе, даже говорить онъ сталъ какъ-то медленнѣе, переставъ „лопотать“ и торопиться.

7-го Января вечеромъ я пріѣхалъ въ больницу позже обыкновеннаго: задержала репетиція или спектакль—не помню. Пав. Ив. осо-

бенно какъ-то обрадовался мнѣ на этотъ разъ. „Здравствуй, здравствуй.... Садись... Ну, вотъ наконецъ-то!... Заждался я тебя.... Что поздно?... Ну, какъ ты!.. Здоровъ?.. Скажи пожалуйста, какъ прошла новая пьеса Островскаго?. Ты имѣлъ успѣхъ?... Ну, ну слава Богу!“.

Онъ засыпалъ меня вопросами. Потомъ вдругъ, точно спохватившись, взялъ меня за руку: „Да, да... вотъ что еще: ты знаешь какъ я люблю тебя Анавиемъ въ „Горькой Судьбинѣ“ и какъ ненавижу твою рубашку въ послѣднемъ актѣ.... Точно сейчасъ отъ швейки принесли.... Вотъ точь въ точь такой-же почти рисунокъ—со сцены разницы не замѣтятъ.—Это моя.... обошенная... велѣлъ нарочно вымыть.... возьми... на память...“

Онъ какъ-то судорожно сжалъ мнѣ руку и пристально взглянулъ въ глаза. Я чувствовалъ, что у меня подступаютъ слезы къ горлу и отвернулся какъ будто за тѣмъ, чтобы завернуть рубашку. „А... вотъ.. еще... возьми и это... большѣ не нужны... не понадобятся...“ Онъ снялъ очки и отдалъ ихъ мнѣ. „Я хочу, чтобы они у тебя остались.... Прощай!“...

Онъ прилегъ навзничъ и помолчалъ минутку; потомъ улыбнулся: „Ну, что ты осовѣлъ... выпей-ка красненькаго.... вонъ тамъ на столѣ.... осталось... Эхъ, братъ,—

Мы и пить и гулять будемъ,
А смерть придетъ—помирать будемъ...
Нечего миндальничать“....

На другой день въ 9-ь часовъ меня увѣдомили что Якушкинъ скончался.

Вотъ Вамъ, дорогой Николай Александровичъ, все, чтѣ я припомнилъ и записалъ наскоро для Васъ. Простите за неряшливость, поспѣшность и нескладицу изложенія. Не хотѣлось задерживать отсылку письма.

Спасибо за присланные стихи—они прекрасны! Довершите благодѣяніе: пришлите два Вашихъ стихотвореній: одно—„Мицкевичъ“, а другое (не помню заглавія) начинается такъ, кажется:

Надвигалася туча съ Дуная,
А на дальней на Темзѣ рѣкѣ

Всполошилась царица морская
Въ своемъ царскомъ хрустальномъ дворцѣ и т. д.

Очень обяжете.

Крѣпко жму Вашу руку и шлю мой привѣтъ Маріи Ивановнѣ¹⁾.

Глубоколюбящій Васъ М. Писаревъ.

Адресъ: Спб., Николаевская улица, домъ 75, кв. 5. М. И. Писареву.

2.

5/XI (1900 г.). Николаевская 77.

Многоуважаемый и дорогой Николай Александровичъ.

Третьяго дня въ торжественномъ собраніи Русскаго Театральнаго О-ва въ честь Мочалова я читалъ Ваши воспоминанія, вызвавшія бурныя рукоплесканія и имѣвшія огромный успѣхъ.

Согласно Вашему желанію я передалъ ихъ Кугелю, для напечатанія въ жур. „Театръ и Искусство“, гдѣ они появятся въ воскресенье (12 Ноября). Простите мою великую дерзость въ томъ мѣстѣ Вашихъ воспоминаній, гдѣ говорится: *помню сцену во время пьесы съ отравленіемъ*. Предполагая, что Вы, не вспомнивъ названія пьесы, сдѣлали указаніе на ея содержаніе, я отважился безъ Вашего позволенія замѣнить вышеприведенныя слова слѣдующимъ: *Во время представленія „Мышеловки“*. (Если Вы припомните—на вопросъ Короля: „Какъ названіе пьесы?“, Гамлетъ отвѣчаетъ: „Мышеловка“). Затѣмъ увлеченіе Ваше балетомъ, какъ причину рѣдкихъ посѣщеній спектаклей съ Мочаловымъ, я замѣнилъ другимъ, болѣе неопредѣленнымъ указаніемъ, написавъ *„по нѣкоторымъ обстоятельствамъ“* и проч.

Если Вы пожелаете возстановить прежнюю редакцію, напишите; я немедленно съѣзжу къ Кугелю и все устрою.

Какъ только выйдетъ № газеты съ Вашими воспоминаніями, я немедленно его Вамъ вышлю въ должномъ количествѣ экземпляровъ.

---

¹⁾ *Марія Ивановна*—жена Н. А. Чаева.

При этомъ письмѣ прилагаю вырѣзку изъ газеты, по поводу чтенія Вашихъ воспоминаній.

Еще разъ, дорогой Николай Александровичъ, простите мою, можетъ быть, черезчуръ большую смѣлость касательно сказанныхъ измѣненій.

Крѣпко обнимаю Васъ и прошу передать мой нижайшій поклонъ добрѣйшей Маріи Ивановнѣ.

Жду Вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ.

Любящій Васъ всей душой, М. Писаревъ.

II. Письма И. С. Аксакова.¹⁾

1.

Милостивый Государь Николай Александровичъ.

Статью Вашу я прочелъ. Она очень хороша. На всей картинѣ разлить какой-то теплый колоритъ,—въ словѣ звучитъ какая-то сдержанная душевность. Я ее непременно помѣщу, но дайте время. Въ ней преобладаетъ художественная форма, которая мѣшаетъ ей стать въ разрядъ статей научныхъ и строго-серіозныхъ по формѣ, а въ отдѣлѣ художественномъ тянется у меня куда повѣсть Кохановской. Къ тому же она довольно велика, а мнѣ на первое время надо непременно представить какъ можно болѣе разнообразія и постановить поболѣе крупныхъ вопросовъ; потомъ уже и пойдетъ ихъ разработка, шлифовка и отдѣлка частности.

И такъ, если Вы согласны нѣсколько повременить, то позвольте удержать Вашу статью. До свиданія. Вашъ Ив. Аксаковъ.

Среда 15 Ноября 1861.

2.

С. Варварино. 9 Авг. 1878.

Благодарю Васъ, почтеннѣйшій Николай Николаевичъ²⁾, за Ваше письмо. Очень радуюсь успѣшному результату поѣздки Ольги Федоровны³⁾, только не понимаю, какъ на долю дѣвицъ переходить 30/т р.,

¹⁾ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, извѣстный писатель—славянофилъ, издававшій въ шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія газету „День“.

²⁾ Николай Николаевичъ Алке,—секретарь Московскаго Славянскаго Общества.

³⁾ Ольга Федоровна (рожд. Петрово-Соловова)—жена извѣстнаго писателя по земскимъ вопросамъ Александра Ивановича Кошелева.

если обезпечивается вполнѣ курсъ ученія стипендіатовъ и учениковъ? 2500 р. приходится платить одному Минкову въ Николаевѣ въ годъ. За 10 лѣтъ (тамъ дѣти проходятъ курсъ гимназіи, а потомъ университетскій) это составитъ 25/т. р. У насъ же денегъ всего до 50 т. р., всѣхъ суммъ всяческихъ наименованій.

Честъ и слава будетъ Ольгѣ Ѳедоровнѣ, если она успѣетъ сохранить самостоятельность Дамскаго Отдѣленія (конечно уже не *Отдѣленія*, а какъ нибудь иначе назовется) или Учрежденія. Боюсь только препятствія со стороны Московской Власти. Да къ тому же—дамскія сами по себѣ, а Тимашевъ и III Отдѣленіе—тоже сами по себѣ и едва ли не сильнѣе, къ сожалѣнію.

Слышу, что въ Москвѣ объясняютъ причину всей катастрофы протоколомъ. Едва-ли это справедливо. По крайней мѣрѣ, *мнѣ* изъ П-бурга люди довольно компетентные намекаютъ на причину дипломатическую. Во всякомъ случаѣ *я лично* не могу подлежать отвѣтственности за *протоколъ*, а *Ниль Поповъ, подписавтій оный, какъ предсѣдатель*, подписавшій и бумагу къ князю Д., при которой этотъ протоколъ сообщенъ,—Ниль Поповъ, сколько мнѣ извѣстно, не получилъ даже и замѣчанія!

Развѣ предположить, что было интимное объясненіе между Н. А. П. и кн. Долг. и первый свалилъ вину на меня? Но это слишкомъ гнусно, и я этого не предполагаю. Ему, очевидно, было неприятно, что я остался членомъ Совѣта, и онъ толковалъ статью Устава такъ, что я будто-бы не могу остаться въ Совѣтѣ. Онъ даже мнѣ выражалъ мнѣніе—не за это ли между прочимъ закрыто Общество? Но о томъ, остался ли я или не остался—не сказано въ протоколѣ, т. е. не былъ и вопросъ поставленъ. Очень можетъ быть, что это свое *недоумьніе* или мнѣніе о незаконности моего членства (мнѣніе совершенно неправильное) онъ сообщилъ кн. Д... Обо всемъ этомъ безъ сомнѣнія хорошо знаетъ Родиславскій¹⁾. Чаевъ съ нимъ вѣдь хорошъ.

Здѣсь, въ Варваринѣ, мнѣ очень хорошо. Я давно не жилъ въ деревнѣ, страстно люблю природу,—а здѣсь мѣстность очень живописна. Тишина, уединеніе—все это мнѣ нравится,—я давно былъ лишень этихъ благъ. Кланяюсь отъ души Н. А. Чаеву, жена моя благодарить его и Васъ за дружескій привѣтъ. Прощайте, любезнѣйшій Николай Николаевичъ, будьте здоровы и не забывайте Васъ искренно уважающаго и душевно преданнаго Ив. Аксакова.

---

¹⁾ *Владиміръ Ивановичъ Родиславскій*—правитель канцеляріи Московскаго генераль-губернатора кн. В. А. Долгорукова.